

Н. Н. ОСТАПЕНКО

Л. П. СИТЯЕВА

Российский государственный
профессионально-педагогический университет
г. Екатеринбург

Эстетизация безнравственности или оправдание порока

В настоящее время «социально-культурное пространство» – понятие, активно употребляемое в публицистической и научной литературе, – требует более глубокого теоретического осмысления. В данной статье, не претендуя на всесторонность анализа и отдавая себе отчет в сложности и многомерности феномена социально-культурного пространства, мы попытаемся рассмотреть один из его важнейших аспектов – нравственно-эстетическое ядро духовности.

Превалирующая позиция правящей элиты, олигархических структур, некоторых ученых мужей, ретранслируемая СМИ, по сути сводится к игнорированию духовности как фактора, определяющего состояние современного российского общества. Что стоит за этой позицией? Позволим себе предположить, что за этим кроется либо наивное непонимание роли духовности в социокультурном контексте, либо сознательное «редуцирование» всего многообразия социальных проблем до экономических.

В том и в другом случае это отрицание мировоззренческого положения, сформулированного Н. А. Бердяевым: «В жизни общественной духовный примат принадлежит культуре. Не в политике, не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества. И высоким качественным уровнем культуры измеряется ценность и качество общественности» [1, с. 251]

Именно в реалиях и коллизиях сегодняшнего дня особенно значимой

должна быть аксиома примата духовной сферы над экономической. Или, перефразируя слова профессора Преображенского из знаменитого произведения М. Булгакова, можно сказать: преодоление разрухи в экономике невозможно без преодоления разрухи в головах, т. е. состояния «нравственной нищеты». Экономический кризис меркнет на фоне вопиющих проявлений духовного кризиса: утраты национальной идентичности, забвения вековых нравственных ценностей, засилья подделок попкультуры с целью манипуляции массовым сознанием.

Одним из свидетельств духовного кризиса является нарушение традиционной связи нравственного и эстетического, серьезным последствием которого выступают эстетизация безнравственного и оправдание порока. В качестве методологического основания нашего исследования выступают следующие принципы: гуманизма, диалектической взаимосвязи этического и эстетического, а также аксиологический принцип.

Любой социальный феномен имеет и этическое, и эстетическое значение. Поэтому его ценность определяется как через призму добра и зла, так и с позиций прекрасного и безобразного. Критерием оценки содержания любого феномена выступает сам человек, причем человек самовозвышающийся, самовозрастающий, самооблагораживающийся: он есть «мера всех вещей». В фокусе гуманистического принципа прекрасное – это то, что нравственно, а нравственное содержательно выхолащивается, если теряет свою внутреннюю связь с прекрасным. Часто упоминаемое крылатое выражение «красота спасет мир» имеет малоизвестное продолжение – «... ,если она добрая».

Принцип диалектической взаимосвязи схватывает внутреннее родство, сущностное единство этического и эстетического, которое в конкретном проявлении выступает нераздельно, слитно. Однако такая взаимосвязь этического и эстетического не исчерпывается их единством, а подразумевает сложные противоречивые отношения, нередко приводящие к кон-

фликту между ними.

Интересно отметить, что еще в античности сформировалась традиция рассматривать этическое и эстетическое через призму принципа их единства, что нашло отражение в древнегреческом понятии «калокагатия» (греч. *kalos kai hagatos* – красивый и хороший). Калокагатия как этико-эстетический идеал древнегреческой культуры отражает гармонию души и тела. Уже древние греки понимали, что созидание калокагатии – не одноактный, а сложный процесс передачи из поколения в поколение традиций, культивирующих родовые характеристики человека. Так, например, в «Государстве» Платона человек-носитель калокагатии, наделенный гармонией духовного и физического, видит свое предназначение в осуществлении коллективных чаяний полиса. Более того, в платоновском учении об идеях высшая идеальная сущность являет собой триединство истины, добра и красоты. Эта идея, сохраняя на протяжении веков свою актуальность, находит отражение в творчестве русского философа-академиста М. М. Тареева, который рассматривал «моральность» как элемент эстетический. В своем фундаментальном труде «Основы христианства» он акцентирует внимание читателя на том, что «грубые пороки – пьянство, обжорство – одинаково оскорбляют как моральное, так и эстетическое чувство, поэтому первоначальные шаги нравственного прогресса совпадают с эстетическим развитием» [4, с. 156].

Вся история развития человеческой культуры в своих различных формах проявления утверждает эту неразрывную связь, наиболее адекватно отражаемую понятием «этико-эстетический континуум». Каково же его эвристическое значение? В первую очередь, данное понятие раскрывает аксиологический аспект человеческого бытия. В существующем социокультурном контексте бытия человека (т. е. горизонтальном срезе его бытия) этико-эстетические ценности воплощаются в наличной нормативности, в общем представлении о добре и прекрасном, о зле и безобразном, а

также в образе жизни и культуре поведения. В историческом генезисе становления социума (вертикальном срезе человеческого бытия) этико-эстетический континуум позволяет осуществить духовную родовую преемственность от прошлых поколений через настоящие к будущим поколениям.

Однако в кризисные эпохи социального развития наблюдается нарушение этико-эстетического континуума, утрачивается диалектическое единство содержания и формы. Добро лишается связи с прекрасным, а зло и порок оформляются в эстетически привлекательных образах. Так, в период декадентства начала XX века исследователи отмечали, что «нравственное значение красоты не нужно преувеличивать, потому что нравственное и эстетическое совпадают лишь отчасти, т. к. **пороки могут быть эстетизированы** (выделено авт.)» [4, с. 157].

Период конца XX – начала XXI веков, принесший кардинальные изменения социальной структуры российского общества, показал, что процесс нарушения континуума оказывает существенное влияние на ментальность всех социальных групп. Традиционно духовная элита нашей страны всегда являла собой образец, сочетающий высокое нравственное содержание с эстетически привлекательным обликом, человеческим обаянием («в человеке все должно быть прекрасно...»). Эта гармония была результатом огромного труда по самосовершенствованию, саморазвитию и воплощалась в самоотдаче на благо людей, отечества. В современную кризисную эпоху так называемая *элита* характеризуется выхолощенным нравственным содержанием, деформированными ценностями, утверждает свою успешность посредством стандартов потребительского общества. Говоря другими словами, нравственное оскуднение упаковывается в гламурную, блестящую «обертку», навязывается как социо-культурный образец всем социальным слоям и возрастным категориям российского общества.

Нарушение этико-эстетического континуума неизбежно ведет к оп-

равданию порока в самых изощренных проявлениях, в частности, через оформление его в качестве эстетически положительной ценности. В словаре В. И. Даля порок определяется как «недостаток нравственный, духовный; все, что противно истине и добру; зло и ложь, как свойство, качество человека; всякое нравственное извращение, искажение; склонность к худу, дурной жизни..., уклонение от порядка в природе, от должного, от общего закона» [2, с. 508].

В развитие темы нашей статьи отметим еще одну тревожную тенденцию, характеризующую социо-культурное пространство современной России. Сегодня все чаще общественное мнение неспособно дать оценку пороку как нравственной аномалии. Общественное мнение дезориентируется красивым видом, эстетически привлекательной формой порока. Не будучи ханжами, остановимся в качестве примера на феномене опорочивания женской красоты. Известно, что красота обнаженного женского тела воспевалась художниками всех времен и народов как эстетический эталон. В то же время в традиционной духовной культуре накладывалось табу на подачу и восприятие женской красоты как провокатора похоти, порочных инстинктов. Превращение женского тела в объект сексуальной эксплуатации с негодованием отвергалось гуманистической моралью и оценивалось как один из низменных пороков. Испокон веков традиционный для нашего общества христианский идеал женщины наделял ее такими нравственными ценностями, как целомудрие, стыдливость, скромность. В противоположность этому, современный образ сексапильной женщины провоцирует низменные страсти, определенный постыдный стиль поведения и одновременно эстетизируется самыми изощренными способами через индустрию моды и рекламы. Таким образом, нравственно-эстетические оценки весьма тонко подменяются: образ «порочной женщины» мимикрирует в образ женской сексапильности как неотъемлемого атрибута успешной современной женщины.

Деформация нравственных и эстетических образцов и идеалов является логичным следствием разрушения континуума. Это не так безобидно, как подается постмодернизмом, ибо приводит к разрушению традиционных ценностей нашей духовной культуры. Особый драматизм данного процесса заключается в том, что он пронизывает весь социум, практически все социальные группы подвержены нравственно-эстетической деформации. И вопреки известным поэтическим строкам «... в замке с окнами цветными я закрылся навсегда...», избежать губительного влияния притягательности порока дано не многим, особенно в молодежной среде. С экранов телевидения, рекламных растяжек, журнального глянца, неконтролируемого Интернета осуществляется тотальный прессинг на общественное сознание. Это и есть проявление манипуляции общественным сознанием с целью инверсии этико-эстетических ценностей.

Поскольку обыденный уровень общественного сознания формируется в процессе повседневных практик и отражает каждодневную жизнь людей, то эта нравственно-эстетическая деформация пронизывает всю социально-культурную ткань: семейно-бытовые отношения, досуговые, профессиональные и др. Следствием этого является потеря «ценностных якорей», традиционной укорененности, системы координат. Происходит деформация повседневности через утрату экзистенциалов и целостности человека, а результат – возникновение «частичного человека».

В чем проявляются социальные последствия эстетизации порока? На уровне обыденного сознания безнравственность диффузно проникает в повседневную деятельность людей, примитивизируя их отношения. В обычной жизни происходит подмена смыслов: содержание традиционных нравственных понятий (совесть, достоинство, честность, порядочность и др.) блекнет в общественном мнении и ассоциируется со старомодным, архаичным и не имеющим места в современной успешной жизни. Наряду с этим возникает своеобразная иллюзорная реальность, тиражируемая всеми

доступными средствами современной массовой культуры, дезориентирующая россиян. В частности, наиболее наглядно это проявляется в оценке противоположных стилей жизни – трудовой и праздной. Ценность труда и профессионального мастерства всегда утверждалась социумом как основа общественного и индивидуального бытия, которая гармонизирует межличностные отношения, способствует общему благу, обеспечивает достойное существование и самосовершенствование человека.

Традиционно праздность как стиль жизни, возводящий безделье в нравственную норму и рассматривающий любой труд как унижительное занятие, осуждалась общественной моралью. Суть подмены, происходящей у нас на глазах, заключается в «инверсии» ценности труда и праздности. Для современной России характерна так называемая «демонстративная праздность» (термин ввел американский социолог Т. Веблен в книге «Теория праздного класса», 1889 г.), которая проявляется в показном расщепительстве, престижном потреблении, «тусовочном» этикете. Сообщество, ведущее праздный образ жизни, является незначительной по численности маргинальной социальной группой. Однако опасность, которую она представляет для общества, прежде всего, для молодых неокрепших душ и умов, нельзя недооценивать. Носители «демонстративной праздности» с помощью купленных СМИ утверждают циничное отношение к труду, к людям труда, которых они на своем сленге называют «овощи», тиражируют безнравственный стиль жизни, эстетизируя и агрессивно насаждая его как высшую ценность, показатель успешности современного человека.

В искусстве как специализированном уровне общественного сознания этико-эстетический континуум наиболее ярко представлен в творчестве больших художников, особая миссия которых в российском обществе постоянно подчеркивалась («поэт в России больше, чем поэт», «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»). Сегодня так же, как в конце XIX века, актуальна данная Максом Нордау (автором широко из-

вестной в Европе и России книги «Вырождение» [3]) негативная оценка того искусства, которое создает «идолов» вместо идеалов. Кризисные этапы общественной жизни имеют общую черту – «презрение к установившимся понятиям о приличии и нравственности ... , в эстетике – отрицанием идеала в искусстве и бессилием производить впечатление старыми формами» [3, с. 26]. И далее, говоря о социальной миссии художника, влияющего на мысли и чувства современников в нравственном отношении, автор подчеркивает: «При хаосе, господствующем в умах, от искусства ожидают указаний относительно порядка, который заменит собой общую сумятицу. Поэт, музыкант должен возвестить, угадать или по крайней мере предчувствовать, в какой форме выразится дальнейший прогресс. Что будет завтра признаваться нравственным или прекрасным, что мы будем знать, во что верить, чем воодушевляться или наслаждаться?» [Там же].

Попытка изолировать искусство от нравственных оценок имеет всегда одни и те же аргументы, а именно – «искусство для искусства», художественное произведение самодостаточно, оно находится «по ту сторону добра и зла». Действительно нравственность, обличенная в форму морализаторства, «прописных истин», не может сделать художественное произведение прекрасным, но красота без нравственной цели невозможна. «Таким образом, ... красота и нравственность по внутреннему своему существу тождественны. Можно сказать, не совершая ошибки, что красота – покоящаяся нравственность, а нравственность – красота в действии» [3, с. 219].

При всей многоликости современного искусства утрата целостности этического и эстетического сводится к одной проблеме: у художников, претендующих на отражение «правды жизни», отсутствует авторское Я, оценка действительности с позиций добра и зла. Это сопровождается смакованием «чернухи», детализацией порока и представляет особую опасность для состояния общественной морали, когда сопровождается талантливым исполнением и воплощено в ярких художественных образах. Тем

самым нравственная миссия искусства остается за скобками, и налицо «нравственная инверсия», когда добродетель и порок меняются местами, причем последний выступает в притягательной эстетической форме – «безнравственной красоты».

Таким образом, нам удалось в определенной мере проанализировать сущность феномена эстетизации безнравственного в социально-культурном контексте и показать некоторые опасные последствия этого процесса для современного российского общества. Метастазы означенного явления все глубже пронизывают все социальные группы и все сферы общественной жизни. Это неизбежно приводит к разрушению социальной ткани, атомизации индивидов, расцвету индивидуализма, эгоцентризма и гедонизма. Встают традиционные для нашей культуры вопросы: «что делать?» и «с чего начать?» Не претендуя на истину в последней инстанции, хотелось бы отметить следующее. Во-первых, необходимо осмыслить на уровне национального самосознания опасность духовно-нравственной деградации, грозящей России. Во-вторых, только возрождение традиционных морально-нравственных ценностей в современном социо-культурном пространстве способно предотвратить переход той грани, за которой неизбежна утрата национальной самоидентичности. В-третьих, сохранение этико-эстетического континуума позволяет сформировать критерии оценки с точки зрения добра и красоты, зла и безобразного.

Литература

1. *Бердяев Н. А.* Письмо 13-е : О культуре // *Философия неравенства.* Москва, 1990. – С. 251.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка : современная версия. – Москва : ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 508.
3. *Нордау М.* Вырождение / М. Нордау. – Москва : Республика, 1995. – 400 с.
4. *Тареев М. М.* Основы христианства : в 4-х томах / М. М. Тареев. – Изд-во Сергиев Посад, 1908. – Т. 4. – С. 156.